

18+

Натали Якобсон

НА БАЛУ У ДЕМОНОВ

Готический роман

Натали Якобсон

**На балу у демонов.
Готический роман**

«Издательские решения»

Якобсон Н.

На балу у демонов. Готический роман / Н. Якобсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988910-2

Красавица Маерлин живет в уединенном домике у моря. Однажды в штормовую ночь ей удастся спасти прекрасного незнакомца, потерпевшего кораблекрушение. Юношу преследуют демоны, ведь он наследный принц страны, на которую пало проклятие. Теперь Маерлин предстоит поехать в далекое королевство и посетить роскошный бал, на котором каждая смертная гостя становится жертвой. Уже по дороге поджидает страшная опасность, но на что не пойдешь ради любви!

ISBN 978-5-44-988910-2

© Якобсон Н.
© Издательские решения

Содержание

Бал теней	6
Там, где любовь умерла	9
Рана тайны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

На балу у демонов Готический роман

Натали Якобсон

© Натали Якобсон, 2026

ISBN 978-5-4498-8910-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бал теней

Дьявольские грезы,
В них же ты везде,
Солнечная роза
В этой жуткой тьме.

Вечное заклятье
Здесь, над краем тьмы,
Ты мое проклятье,
Ангел красоты.

Все вокруг здесь вечно,
Тьма и эта кровь
Ты одна лишь смертна,
но лишь ты любовь.

Яркий свет молнии на миг осветил замок на холме, прекрасный, величественный, полный мрачного волшебства и тайн. Сколько ужасного было в нем, сколько кошмаров, поселившихся там, превращало его сказочную красоту в воплощение зла.

Сбежав вниз по узкой каменной лестнице, Эмили вновь очутилась в огромной зале, погруженной в глубокую темноту. Лишь свет молнии и мерцание бра кидали отблески таинственного света на ее прекрасное лицо. Казалось, что сама ночь, покровительствующая этому миру кошмаров, смеялась над ее неистовым страхом и жутким испугом. Она быстро осмотрелась вокруг. В ее сердце была только тревога. Взгляд, метавшийся из стороны в сторону в порывах страха, ничего не замечал. Но опасность была где-то рядом. Каждый шорох заставлял ее вздрагивать, словно лань, почувствовавшую погоню тех, кто охотится за ее жизнью. Какой-то звук раздался за ее спиной, и она, встревоженная, обернулась, но сзади не было ничего, кроме одной зловещей темноты и неистовой дрожи ее собственного сердца, передававшегося ей самой, заставляя тревожно зашуршать и встрепенуться пышные юбки ее белого бального платья и длинные вьющиеся пряди ее светлых волос, выбивавшихся из изящной прически.

Она боялась, что они снова вернуться, появятся прямо из этой пустоты, как призраки, чтобы уничтожить ее раз и навсегда. Она думала, что заслужила их месть. Ведь он дал ей этот черный дар, а она предала его смерти вот уже во второй раз. Как мгновенные вспышки молнии в ее памяти мелькали картины из недалекого прошлого. Теперь они казались ей всего лишь сном. Однако они были самой реальностью, как и блики сверкающих молний. Они исчезали, как молнии, не оставляя после себя ничего, кроме гнетущей тишины, готовящей новый взрыв мрачного света. Никогда не исчезнет из ее памяти картина того, как она входит в залу, сверкая своей красотой в ярком свете свечей и торжестве бала. Толпа расступается перед ней, к ней подходит он, и она танцует с ним. Ее пугают его огненные глаза, а потом она отчаянно пытается вырваться из круга мертвецов или самих исчадий ада. Ей кажется невозможным убежать от собственной смерти. До сих пор в ее ушах стоял раскат самого ужаса, ее безумный крик боли и страха. Она вырвалась из их толпы и побежала прочь, но ужас вспыхнул в ее голубых глазах, когда он преградил ей выход из залы. Тогда в порыве страха она схватила тот сверкающий кинжал и вонзила его в его сердце. До сих пор его алая кровь светилась болью в ее глазах.

Вдруг диким шепотом грозы в самой тишине прозвучало:

– Эмили, Эмили, Эмили!

Эмили тревожно осмотрелась по сторонам, в ее испуганных глазах теперь блестели слезы, но почему, могла ли она признаться себе в этом.

Вдруг темная фигура появилась за ее спиной, и когтистые лапы коснулись ее обнаженных плеч. Она обернулась, снова никого. Может быть, опасность осталась позади, а, может быть, уже подкрадывалась к ней.

Внезапно все свечи вокруг вспыхнули ярким огнем, наполняя огромную залу теплым светом.

– Эмили, – прозвучало за ее спиной, и она обернулась. Ее страх мгновенно прошел, когда она увидела такое знакомое и прекрасное лицо молодого человека, стоявшего перед ней.

– Я не могу больше переносить это, – произнесла она, и ее испуганный голос звонким эхом отдался в тишине огромной залы, – я не хочу больше жить в этой мрачной сказке.

– Ты не хочешь видеть правды, Эмили, – попытался возразить он.

– Нет, не я, ты не видишь ее, – вырвалось у красавицы, – да, ты спас мою жизнь, но ты же увлек меня в ад на земле. Ты вырвал меня из рук моей мечты, словно чудовище из сказки, ты кинул меня в мир тайн, а теперь ты сомневаешься, разумно ли поступил или просто в тебе, наконец-то, проснулась жалость. Но ведь такие создания, как ты, не способны испытывать ни любви, ни жалости.

– Ты не права, Эмили, – возразил он, – я пытался победить тьму, я хотел дать тебе то счастье, в котором тебе отказал этот мир.

– Нет, я больше не останусь здесь, в этом синем аду, – на этот раз более, чем решительно сказала она. – Я хочу спасти свою жизнь, свою душу. Сегодня же я уезжаю с тобой или без тебя.

Ее обвиняющий голос звонко раздавался в мертвой тишине. Он, сам не желая того, отвернулся от нее. Его глаза, налившиеся кровью и огнем, стали коварными и зловещими, благородное и прекрасное лицо исказила гримаса. Боль пронзила его тело, и всепобеждающая жажда крови овладевала им, но еще сильнее была боль его сердца, где жила любовь к светлому ангелу.

– Что с тобой? – вырвалось у Эмили.

Даже ее голос, такой красивый и настолько любимый им, не мог прекратить его мучения, но он мог победить силу тьмы, завладевавшую его рассудком.

Она взглянула на него, но что же происходило с ним. Его длинные каштановые волосы шелковистым покровом падали ему на плечи, он был бледен, как сама смерть, и даже его красота не могла скрыть мук, исказивших его лицо. Он вскрикнул, схватившись за себя рукой.

– Прости меня, Эмили, – прошептал он. – Более я не вечен.

Он поднял кинжал и вонзил его в себя. Его тело упало на мраморный пол, но она невольно подбежала к нему, то, что было в ее душе, оказалось сильнее страха, любовь осталось непобедимой, и она склонилась перед ним, он еще был жив.

– Прости меня, Эмили, – повторил он.

– Нет, – она упала на колени рядом с ним, и ее голубые глаза были полны слез.

– Не умирай, – прошептала она, проводя рукой по его мягким как шелк волосам и глядя взглядом, полным боли, в его молодое и красивое лицо, на котором уже лежал отпечаток смерти.

Он умирал, но его губы трепетно шевельнулись, и его дрожащая рука провела по ее прекрасному лицу.

– Не плачь, Эмили, – прошептал он, – моя смерть не стоит твоих слез, возьми это и беги. Скорее беги отсюда, ты сможешь уйти, только не смотри им в глаза, в них скрывается сила смерти.

Он вложил в ее дрожащую руку золотой крестик, золото засияло в свете колдовской ночи.

– Я освобождаю тебя от нашего проклятия, любовь моя, Эмили, – произнес он, и ее имя каким-то волшебным звуком отдалось в магической тишине в миге его смерти. Она невольно заплакала, но это уже было бесполезно, бессмысленно было прижимать к себе холодный труп

и то прекрасное лицо, которое она когда-то так любила, надо было спасти свою жизнь, хотя с его гибелью сама смерть звала ее с собой.

Она выбежала из светлой залы, где когда-то светила радость бала, но теперь царили только покой и тишина. В темноте вечного мрака и зла сияла ее светлая красота, красота прекрасного ангела. Вдруг она застыла на месте. В просвете каменной лестницы, стоял он, тот, кто вот уже дважды был мертвецом и воскрес в своей дьявольской красоте. Она посмотрела в его огненные глаза. Цепочка золотого крестика выскользнула из ее руки и ударилась о каменный пол, а она, сама не желая того, подошла к нему, но его холодный взгляд не выражал ничего, кроме скрытой в нем боли.

– Прости меня, мой светлый ангел, – прошептал он, и острые зубы вампира впились в шею светловолосой красавицы. Так они упали на холодные ступени каменной лестницы, красавица и вампир, и сама ночь приняла их в свои объятия, объятия вечно царствующего здесь, мрачного, но непостижимого и волшебного колдовства.

Там, где любовь умерла

С жизнью убегает
Горькая мечта,
Сердце утопает
В вихре колдовства.

Смерть любви печальной
Там, где мрака свет
Наполняет тайной
Все, где жизни нет.

Все, где жизнь разбилась,
Там судьба лишь вновь
Мраку покорилась
Но не ты, любовь.

Счастье убегает
В трепетную тьму,
Но оно спасает
Вольную мечту.

Та мечта навеки
В сердце красоты
В ней все мрака реки
Не убьют любви.

Внизу тихо шумело море, Его волны с плеском бились о прибой, вместе с их прозрачной синевой кипела человеческая жизнь, а высоко, на прибрежных скалах, магическим кольцом, окружавших берег, стоял темный и угрюмый в мрачной красоте своего величия зловещий замок. Яркая молния, на миг разрезавшая пополам черное небо над замком, осветила всю его красоту, он был непобедимой крепостью на неприступной скале, и лишь молния осмеливалась смотреть на его могучие стены. Все смертные боялись даже зайти в тень, отбрасываемую высокой скалой, ведь они знали, что в этом кровавом аду обитает дьявольское зло, и в мире нет ничего ужаснее, чем лицом к лицу столкнуться с ним, как это произошло с красавицей Маерлин. Люди боялись подходить к скале и к замку, где таилась кровавая смерть, и тьма владала над светом, где во мраке ночи таились кровожадные вампиры, и царил он, их ужасный повелитель. В эту ночь, как всегда, царила вечная тьма, и в ней были видны острые белые клыки кошмарного чудовища, покрытые горячей человеческой кровью.

Черная летучая мышь, крича, отлетала от замка. Из пасти зверя вырвался нечеловеческий вопль, но еще ужаснее был крик его умирающей жертвы.

В высокой башне замка, словно готовясь броситься вниз, на самом ее краю, стояла прекрасная девушка с жемчужно-светлыми волосами. Ее лицо казалось лицом мраморной статуи: холодной, бесчувственной, безжизненной, но все же сохранившей в себе боль умершего сердца. На плечо красавицы легла когтистая лапа чудовища, и на миг ее затуманенное думой лицо осветилось еще большей печалью и болью.

– Почему ты сделал это? – прошептала она так, будто каждый звук причинял ей нестерпимую боль. – Почему ты погубил мою жизнь?

Ветер яростно хлестал в ее лицо, осыпая каплями дождя, угрожая в любой миг скинуть красавицу с башни замка в бушующее море. Она не замечала этого, для нее уже все потеряло смысл, и ее сердцу было все равно, жить или умереть. Когтистая лапа чудовища, шевельнувшаяся на ее плече, вернула ей боль жизни.

– Ты забыла, какие силы живут в твоей душе, – произнес за ее спиной глухой и безжизненный голос.

– Я знаю это, – прошептала она, – но я не хочу быть тем, чем я стала, и во что превратился ты. Весь ужас глубин ада ты вынес на поверхность земли в своем облике, ты чудовище, ты зло, ты вампир, как и множество твоих собственных созданий.

Девушка невольно вздрогнула, когда своими длинными когтями чудовище провело по ее прекрасному лицу и нежно погладило золотые в свете грозы волосы.

– Зато ты всегда прекрасна, бессмертная красавица, – прошептало оно, – печальная, одинокая, прекрасная, потерявшая свою любовь. Твоя красота живет в сердцах людей, принцесса, а ведь твое сердце еще более черно и жестоко, чем мое, и тьма живет в нем дольше, чем во мне.

– Ты становишься сильнее с каждым днем, с каждой минутой, кровавый демон, король вампиров, и ты жаждешь еще большего.

– Это сама судьба.

– Да, это твоя судьба, – раздался ее голос, и в ее руке со вспышкой молнии сверкнул острый кинжал.

– Умри навеки, – прошептала девушка и вонзила кинжал прямо в сердце чудовища. Дикая вопль вырвался у него, а из огромной раны хлынула кровь, но он был бессмертен. Медленно он вытащил из кровоточащей раны кинжал и отшвырнул его в сторону. Глаза демона блестели огнем, а его безумный смех разнесся по мрачному небу.

– Ты не можешь убить меня, Эмили, – злорадно прошипел он отступившей в страхе красавице, – никто не может убить меня. Сегодня, в эту священную ночь, ты придала мне новые силы, а кровь из твоего сердца делает меня непобедимым. Запомни, что бы ни случилось, я навеки повелитель вампиров, властелин смерти, кровавый демон, и ты пожалеешь о том, что отреклась от меня.

– Никогда, – крикнула она, – никогда.

Она оттолкнула его от себя и кинулась прочь из замка, спускаясь по каменной лестнице. Каждый ее шаг сопровождал неистовый смех кровавого демона. Но вот и последняя ступень лестницы уже была позади, и она выбежала из замка в грозовую ночь. Острые шипы колючего терновника вонзились в ее плоть, и из исцарапанных ладоней хлынула кровь. У нее вырвался крик боли и отчаянья. Как только Эмили выбежала из замка, ужасная черная птица взлетела в небо, она была еще более мрачной, чем сама ночь. Настороженным взглядом Эмили обвела все вокруг. В ее ушах все еще звучал смех чудовища и его угроза:

– Вот видишь, тебе никуда не уйти от меня и от своего собственного сердца, ты моя судьба.

Глаза красавицы округлились от ужаса. Перед ней, у каменной лестницы, лежало окровавленное тело молодой девушки, недавней жертвы жестокого вампира.

В темном подземелье замка, где угрюмые залы переходили в мрачные пещеры, царила другая, еще более зловещая тьма. Свет далекого огня едва рассеивал ее. У огня в глубине пещеры стояла красивая девушка. Ее бледно-рыжие как сам огонь волосы казались черными во мраке ночи, легкие одежды развеивал своими неистовыми порывами ветер тьмы и огня, стройное тело вздрагивало каждый миг, словно в предсмертных судорогах. Она была похожа на труп, но она сама была смертью, воскрешенной злом из тьмы могилы. Огненная ведьма, жертва короля вампиров, лесная колдунья, видящая в пламени огня все тайны смерти и жизни, но в эту ночь она сама была безжизненной смертью. Ее невидящие глаза смотрели на пламя,

и оно отражалось в них неистовым зеленым огнем. Ее рука сжалась в немом колдовском жесте, а из безжизненных губ вырывались невнятные слова. Пламя вспыхнуло с новой силой, а из темноты далеких пещер медленно вышел мрачный человек. Его шаги жутким угрожающим звуком пронесли по пещерам, по каменному полу, по холодным стенам, по каждому камню и по всей огромной пещере, где находилась девушка. Она будто бы не слышала шагов и не знала о присутствии странного человека, на холодном и белом лице которого застыло какое-то жестокое и злое выражение. Он был похож на статую, с белой маской злобы вместо лица и огненными глазами, полными нечеловеческой жестокости. Он сам был похож на жуткое изваяние из камня, бесчувственное, холодное и злое, лишенное последней капли радости жизни и живущее лишь злом своего каменного сердца. Его бледные губы, искривившись в дьявольской усмешке, прошептали:

– Восстань из смерти!

Его зловещий голос роковым и ужасным эхом пронесся по колдовской тьме:

– Пусть тьма оставит тебя, ты больше не принадлежишь царству тьмы, приди сюда, воскреси свое сердце, твоя душа в этом огне, пусть он откроет тебе все. Восстань из смерти.

Она вздрогнула всем телом по колдовскому велению его слов. Теперь она уже не казалась мертвой, капля жизни поселилась в угасающем трупe, но она была дарована ей силами тьмы. Теперь пламя огня на миг вселило в нее искру своей жизни. Слабые губы красавицы приоткрылись, будто бы готовясь произнести роковые слова. Безжизненные до сих пор, тонкие руки сжались в кулаки на высоком камне у огня, а глаза в безмолвии устали на пламя холодным и испепеляющим взглядом.

Вместе с ней внезапно ожила и вся мрачная пещера. Свет огня разлился по тьме и осветил причудливые камни стен, наделяя все вокруг магической, зловещей красотой, а страшная фигура девушки в середине пещеры у огня засияла потусторонним светом.

Ее легкие одежды развевались в огненном вихре, волосы во тьме были похожи на языки пламени, а белые как снег руки простирались к огню в безмолвном, колдовском жесте.

Он медленно подошел ближе к девушке и встал прямо за ее спиной. Его безжизненный взгляд теперь сиял чем-то злорадным.

– Покажи мне все, Мадлен, – прошептал он красавице, – скажи, что готовит мне судьба.

Его слова как заклинание прозвучали в тишине, и, подчиняясь его повелению, она выпрямилась во весь рост. Яркий огонь отразился в ее огромных глазах, в них не было настоящей жизни. Они сверкали мертвенной пустотой, а она сама жила магической жизнью носфирату. Она была убита вампиром, она жила и в то же время была мертвой, она была живым мертвецом, призраком из плоти, призраком огненной ведьмы. В любой миг она была вновь служить демону и тайнам колдовства.

Она скрестила руки на груди и быстро начала шептать невнятные слова, вихрем безумия разносившиеся над огнем. Безумие отразилось и в ее глазах, в этот миг ставшими глазами дикого лесного зверя, зверя огня. Перед ее взглядом расступались глубины пламени и глубины крови веков.

– Из века в век, – прошептала она, – ты – кровавая легенда столетий, ты – король дьяволов, повелитель кошмаров, властелин вечности, ты – кровавое проклятие земли, смерть, восставшая из ада, но власть крови не вечна. За смерть придется заплатить смертью, любовь убьет тебя.

– Говори, – прошептал он и неудержимая яростная злоба, звучавшая в его голосе, угрожающим эхом отдалась по всей пещере, – заставь огонь сказать тебе все, кто она, в ком сила жизни сильнее крови веков.

– Такой, как она, никогда не было и не будет больше на земле, – словно в глубоком забытьe прошептала Мадлен.

– В ней соединятся красота, дерзкая и благородная, и сердце героя. Она будет наполовину человеком, наполовину мечтой. Даже волшебная мечта не в силах отобразить чистоту красоты, которая воплотится в ней. Она та, что прекраснее всех на свете, она сама вечная любовь, и ее имя скажет все за себя. В нем сольются воедино грезы и мечты, и единственная в этом мире тьмы искренняя любовь.

Слова с острой болью вырывались из ее груди, будто бы кто-то другой говорил за нее, причиняя ей нестерпимую боль, ее тело содрогалось в немых рыданиях. Стремление узнать все вселило еще большее безумие в его жестокое сердце.

– Кто? – произнес он. – Скажи мне, кто она?

– Мечта, – прошептала девушка, и огонь в ее глазах вспыхнул с новой силой, – дочь самой прекрасной королевы мира, красота ее сердца станет твоей смертью.

Она медленно, с трудом, обернулась лицом к нему. Ее слабое тело била крупная дрожь, жизнь покидала умирающую душу, но сила огня придала решимости ее сердцу. Она протянула свою руку к человеку в черном, и огонь осветил собой прекрасное лицо девушки. Медленно, растягивая слова, словно в каком-то сне, она, с трудом шевеля мертвеющими губами, едва слышно прошептала:

– Маерлин, берегись ее, – эти слова, последние слова жизни перед приходом смерти безумным и угрожающим эхом разнеслись по пещерам.

Ее пророчество подтвердило то, о чем знал кровавый демон уже много столетий.

Какое бы зло не поселилось в этом грешном мире, какую бы боль не таили в себе тьма и ненависть несчастий, но, как и вечная любовь, истинная мечта бессмертна, и она способна отомстить за себя еще большим злом своей красоты. Произнеся последние слова, которые отняли последнюю каплю жизни из умирающего тела, красавица вздрогнула. Последний крик боли и нечеловеческого страха застыл на ее губах, а глаза уставились в пустоту своим невидящим взглядом. Отпечаток смерти снова лег на прекрасное лицо, последняя искра жизни погасла, уступая свое место холодной и ужасной смерти.

Смерть молодой красавицы не могла вселить жалость в жестокое сердце демона. Он безмолвно смотрел на ее окровавленный труп своим ледяным взглядом, в котором мелькнуло злорадство.

– Ты мертва, огненная ведьма, с холодной усмешкой прошептал он, – но твое пламя в свой последний час не смогло сказать правды. Радостям жизни не погубить меня. Я вечен вместе со своим кровавым проклятием. Пока жив оно, жив и я. Ты моя смерть, но из нас двоих, умру не я, а ты Маерлин, вечная мечта.

Он сжал свою руку в кулак, и тело колдуньи дернулось в последнем миге жизни и застыло, истекая кровью. В это самое мгновение в другом конце пещеры светловолосая красавица вскрикнула от ужаса, и взгляд черного дьявола тут же обратился на нее. Она снова была здесь, вопреки всему, как ангел света и мести за свою потерянную любовь. Ее пышные волосы растрепались, а на лице и в голубых в свете тьмы глазах застыло выражение ужаса и боли. Они стояли друг напротив друга: ангел света и ангел тьмы, черная и светлая красота, идол мести и идол тьмы, но что-то сближало их в миге колдовской смерти.

– Зачем ты сделал это, – словно не веря себе, прошептала она. – Зачем ты убил ее?

Ее вопрошающий взгляд так и не смог найти ответа на бесстрастном лице кровавого демона.

– Ты убил мою любовь, и ты убил мою жизнь, – испуг на ее прекрасном лице внезапно сменился дикой яростью, – я ненавижу тебя, ненавижу, – крикнула она, – пусть предсказание огненной ведьмы окажется правдой. Ты не сможешь победить саму мечту.

Она сорвалась с места вместе со своим последним криком ярости и кинулась прочь из замка, а кровавый демон угрюмо смотрел ей вслед, заливаясь злым и жестоким смехом.

Он обернулся и взглянул на огонь, вспыхнувший вместе со злобой в его глазах.

– Силы тьмы, силы крови, силы ада, – прошептал он, и его дикий шепот слился с шипением огня, – догоните ее, задержите ее, вселите страх в ее душу, победите мечту ее красоты.

Она не слышала его слов, она быстро выбежала из замка в холод мрачной ночи. Она почувствовала зло вокруг себя, желала убежать от него, но она не знала, с какой стороны оно может напасть на нее. Она огляделась вокруг. Летняя ночь была тиха. Полная луна светила в мрачных небесах над угрюмым замком и его скалой, освещая все своим золотистым светом.

Красавица кинулась прочь по узкой тропинке, но тут же ее оцарапал колючий терновник. Заросли колючих веток вырастали у нее на пути там, где раньше не было и их тени. Ее руки были исцарапаны, и кровь сочилась из них на подол изорванного платья, но она бежала вперед через заросли терновника все дальше и дальше от синего ада, отнявшего ее любовь и жизнь, а теперь грозившего смертью и ей самой. Терновник становился все гуще, целый его лес вырос вокруг маленькой тропинки. Он цеплялся за ее волосы, рвал платье и царапал лицо. На пути у нее вставали кровавые призраки, плачущие, угрожающие, манящие, требующие, чтобы она вернулась.

– Обернись, – кричал ей пламенный призрак окровавленной Мадлен, – взгляни, что твои грезы сделали со мной, сестра моя.

Она бежала дальше, не обращая внимания ни на вопли призраков, ни на многочисленные царапины от колючего терновника.

– Помоги мне, Эмили, – прокричала ей Мадлен.

Она обернулась. Кровавый призрак протягивал к ней руки, и она чуть было не пошла к нему, но тут луна вернула ей на миг призрак того, кого она любила и жизнь которого навеки погубила ее чистая любовь.

– Беги, – прошептал он ей. На его красивом лице отразилась мольба, он любил ее даже после своей смерти. Он не покинул ее в минуту опасности, – беги, любовь моя, убеги со скалы, и власть тьмы уже не сможет догнать тебя, умоляю спаси себя и ее, наше дитя. Беги, не оборачивайся, Эмили, убеги от власти крови над твоей душой.

Его призыв словно молнией поразил ее сердце. Она должна была убежать, должна была спасти свою последнюю надежду. Она быстро побежала прочь, отклоняя руками терновник.

– Вернись ко мне, Эмили, – звучало позади, но не оборачивалась. Лишь спустившись вниз со скалы, она вновь могла обрести свободу от сил зла. Ее любовь поддерживала ее, и в ее сердце осталась надежда. Она знала то, что ее мечты сильнее сил тьмы. Крики вопли, шум – все слилось воедино в ее испуганном сознании, но она не останавливалась. Чем быстрее удалялась от проклятого замка, тем слабее становилась сила тьмы над ее душой. Крики позади нее, кровавые руки, дьявольский терновник – все должно было кончиться у подножия скалы. Наконец она добежала до него. Здесь горная тропинка обрывалась, а вместе с ней кончалась и сила тьмы. Она, тяжело дыша, прижалась к выступу скалы. Все ее тело стонало от нестерпимой боли, но она была жива, а, значит, осталась и сама надежда.

– Вернись ко мне, Эмили, – все еще доносилось со скалы, где стояла мертвенно-бледная Мадлен в огненном платье, но она уже не могла ее видеть. Усталость навалилась на нее. Ее тяжелое дыхание разнеслось над берегом у скалы и смешалось с шумом моря, осветившего своей голубишной уставшее лицо красавицы. Она отодвинулась от скалы и попыталась пройти несколько шагов в ночной тьме, но только старое морское кладбище встречало ее своей мрачной, готической красотой. Каменные кресты, угрюмые могилы, среди них в вечном покое смерти лежала ее любовь. Ее любимый был мертв, внезапную смерть подослали к нему силы тьмы.

Медленно, судорожно держась рукой за бок, она добралась до середины кладбища. Слезы горя и отчаянья хлынули из ее прекрасных глаз, и красавица невольно упала на колени перед одинокой могилой.

– Прости меня, любовь моя, – прошептала она, – прости меня, если бы не я, ты был бы жив, но я рада одному, ты умер сам прежде, чем силы зла коснулись твоей души, и теперь они не и имеют власти над тобой.

– Ты уверена в этом, – раздался над ней все тот же жестокий насмешливый голос.

Она вздрогнула всем телом при звуках так хорошо знакомого ей голоса, и ее настороженный взгляд быстро обжегал все вокруг. Вдруг холодные руки с длинными острыми когтями схватили ее, сдавив ей плечи своей ледяной тяжестью и силой.

Она чуть было не вскрикнула от подступившего к сердцу неожиданной волной внезапного испуга.

Вскочив на ноги, она поняла, что снова, едва выбравшись оттуда, зашла во владения зла, и на этот раз уже ничто бы не смогло вызволить ее отсюда. Она погубила свою любовь, и теперь пришел час расплаты за это. Она погубила и свою собственную жизнь.

Она пыталась взглянуть в лицо своему врагу, но когтистая рука своей нечеловеческой силой удержала ее плечи.

– Ты все такая же прекрасная, как и много-много лет тому назад. Время щадит тебя и твое лицо. В нем ведь, по-прежнему, столько благородства, столько чистоты и невинной красоты. Твое сердце не подвластно времени, время не властно над тобой потому, что твое сердце, это не сердце человека, оно сердце самой мечты.

– Это снова ты, – вырвалось у нее. Впервые за много лет память прошлого опять вернулась к ней.

– Да, из самых глубин времен, – откликнулся он, – мне помогла найти тебя сама судьба.

Она вздрогнула, а когтистая лапа провела по ее прекрасному лицу. Уже не было вокруг ни моря, ни скал, одна лишь тьма обволакивала собой мрачные кресты и сияющие во тьме золотым огнем светлые волосы Эмили. Она настороженно обвела глазами все вокруг, но когтистая рука, по-прежнему, крепко сжимала ее плечо, не давая ей обернуться.

– Ты предала меня, Эмили, – прошептал он, – а ведь ты была одной из нас, но твое сердце разделилось пополам, оно стало наполовину сердцем человека.

– Я не желаю быть больше злобным созданием ночи, – смелость вновь вернулась к ней и наполнила яростью ее прекрасные голубые глаза, заставляя ее полуобернуться, – я не хочу быть тем, чем стал ты, не хочу быть смертью, не хочу быть злом.

– Да, твоя красота, она не позволяет тебе подобного, но ты предала меня, Эмили, ты полюбила человека, но любовь не может спасти твою душу от власти тьмы, пусть в тебе красота мечты и сердце человека, но ты рождена ночью, и ты тоже мое дитя, дитя крови.

Они стояли, черная тьма и лучистый свет, зло и добро, чудовище и красавица, прекрасная светловолосая девушка на фоне ужасной черной фигуры. Силы тьмы преследовали прекрасную принцессу. Кровавое пламя ада из непостижимой тьмы веков преследовало ее всю ее жизнь холодным ветром жестокой легенды.

Ощущение боли, пустоты и невыносимой печали заполнили собой разрывающееся в муках ужасных потерь, страдающее, но все же сумевшее сохранить в себе каплю доброты сердце Эмили.

Из глаз красавица полились горькие слезы, полные скорби и смятения, и все же сумевшие сделать еще чудеснее ее лицо, плачущего о несчастьях своей любви прекрасного ангела.

– Мне не о чем больше скорбеть, демон, – сквозь слезы прошептала она, – ты украл мои мечты.

– Мечты молодости, принцесса, это всего лишь раскаянье природы, жестокой, злой, обделяющей, как и жизнь. Ты ведь познала их прелести на себе, но ты сама мечта, Эмили, в тебе воплотилась вся красота безжалостного мира, о которой тщетно умоляют люди беспощадную судьбу. Ты красавица, и пусть за счет страдания других. За это ты ненавидишь саму себя?

– Не за это, – прошептала она, – за то, что по воле судьбы я стала кошмарным созданием ночи, как ты, мрачным творением зла с полной тьмой и тайн душой, вечно жаждущей мук и крови. Я ненавижу за это себя и тебя, но в последний миг раскаянья своей души я молю забытого мною Бога воплотить в жизнь колдовское пророчество. Пусть твоя смерть, наконец, найдет тебя. Пусть, когда погибну я, тебя все-таки убьет она, мечта. Маерлин, запомни она твоя смерть и твое проклятие, которое, вопреки всему, случится.

Его злые глаза загорелись жестоким огнем, а длинные когти глубоко вонзились в плечо красавицы.

– Будь ты проклята, Эмили, – прошипел он, – будь проклята твоя колдовская красота. Ты предала свое сердце, ты стала человеком, и этим ты погубила свою бессмертную любовь. Ты проклята навечно вместе со мной. Если только твоя дочь Маерлин не спасет тебя, но она не сможет. На ней лежит то же проклятие, наполовину она человек, наполовину ее душа принадлежит зову крови. Только она может стать моей смертью, но этому не бывать, она умрет сегодня в ту же ночь, что и ты.

Она невольно вздрогнула. Ее смерть стояла перед ней в лице кошмарного демона. Она погибнет, как огненная ведьма Мадлен, как тысячи других жертв демона, как тот, кого любила она.

– Эмили, – нежно и страстно произнес он, и когти страшной руки молниеносным движением провели по белоснежной шее молодой девушки, и словно от острого кинжала на ней остался длинный кровавый след.

Дикий крик нестерпимой боли пронзил собой тишину одинокого кладбища. Он стал пророчеством и проклятием, обрекающим на муки и кровавого демона, изобретавшего новые пытки для людей, но не привыкшего страдать самому.

Этот крик обещал, что пророчество все-таки случится, и сам жестокий демон, наконец, погибнет от рук прекрасной мечты.

Красавица упала на землю у каменного креста. Ее светлые волосы рассыпались по холодной земле, освещая ее каким-то магическим сиянием, веки прекрасных глаз закрылись, одна белоснежная рука, покрытая кровью, распростерлась у распятия, как единственный луч чистой красоты во мраке ночи и зла.

– Ты сама виновата во всем, Эмили, – тихо произнес демон.

– Я разыщу твою дочь, зов крови приведет меня к ней, и тогда я узнаю, правдиво ли твое пророчество, – прошептал он. Это была его клятва, клятва вечной мести зла самой красоте.

– Я найду тебя, Маерлин, – таинственным эхом разнеслось во тьме ночного кладбища. Тело красавицы едва шевельнулось в предсмертной муке, ветер холодного моря донес до нее зловещие слова, а это было, куда ужаснее любой смерти. Глаза демона налились кровью, когда он увидел это едва уловимое движение, но тут со стороны моря раздался шум шагов и донесся громкий крик:

– Эмили.

Звук шагов все приближался. За поворотом скал уже четко были слышны шаги, и стала видна статная фигура молодого человека. Крестообразный эфес его шпаги воплощал в себе самую борьбу за жизнь и бессмертную веру. Настороженный взгляд демона превратился во взгляд дикого зверя, и через мгновение темная фигура взвилась ввысь черной птицей, ястребом смерти, полетевшим к мрачному замку.

На старом кладбище красивый молодой человек опустился на колени перед умирающей девушкой. Боль в этот миг переполняла его сердце.

– Эмили, – прошептал он, сжав в своей руке холодную, как лед, белоснежную руку. В этот миг сомкнувшиеся в предсмертных муках веки красавицы медленно раскрылись.

– Это ты, – едва слышно, с трудом шевеля мертвеющими губами, прошептала она.

– Это я, Эмили, – с тревогой произнес он, – ты не должна была приходить сюда, мертвое все равно остается мертвым, и незачем губить из-за него собственную жизнь.

– Нет, – оборвала его она, – такова была моя судьба, и от нее было не скрыться, не убежать. Единственное, о чем я прошу тебя, спаси мою дочь. Сейчас все силы тьмы ополчились против нее. Она в моем доме, недалеко от побережья. Забери ее оттуда, увези ее подальше от этих скал. В них таится страшная сила всей крови, что пролита на земле, в них обитает кровавый демон, в них таится сама смерть. Увези отсюда мою дочь, спаси ее, прошу тебя. Назови ее Маерлин, ее судьба стать самой прекрасной мечтой в мире.

Взгляд проник в самую глубину его синих глаз.

– Прошу тебя, – прошептала она.

– Да, – ответил он, – я назову ее Маерлин.

– Никогда ни кровавый демон, ни другой из дьяволов ада не сможет причинить ей зла.

Она кивнула. Он не хотел уходить, и она знала это, знала, что в его сердце живет любовь, на которую она не смогла бы ответить. Теперь она умирала и молила давно забытого ею Бога, и все же бывшего ее последней надеждой, помочь ей. Она горячо верила, что ее молитва поможет ей спасти красавицу Маерлин, способную убить все зло на земле.

– Прошу тебя, скорее увези Маерлин отсюда, – произнесла она, – я молю Бога, чтобы он помог тебе и чтобы он простил мою душу. Если моя дочь останется в живых, если она уничтожит зло, дай ей этот символ того, что ее сердце всегда должно оставаться с верой в прощающего меня Бога.

Она дрожащей, холодеющей рукой протянула ему маленький золотой крестик.

– Пусть она никогда не расстается с ним.

Ее холодная рука на миг сжала протянутую ей руку. Глаза красавицы сомкнулись в бесконечном сне, но ее душа осталась с Богом, простившим, и эта горячая в сердце надежда помогла ему преодолеть нестерпимую боль, ведь он знал, что вместе с ней во тьму бесконечной смерти погрузилось навеки и его собственное сердце.

Ветры моря вернули ее лицу свежесть жизни и чистоту истинной веры, сумевшей спасти ее душу от власти тьмы и сделать ее здесь, среди колдовских скал, единственным символом света. Он ласково провел рукой по щеке, где раньше застывала слеза, и нежно коснулся губами холодеющих губ. Она была прекрасна, и он бы вечно смотрел на нее, если бы вдруг не услышал какой-то странный звук. Черная птица с тоскливым криком пролетела над морем, но это была не обычная птица, в шелесте ее крыльев был злоеший шепот самой смерти. Она была черной, как сама ночь, и ее крылья скрывали в себе разрушительную силу, которой не мог обладать ни один человек. В ее злобных глазах, казалось, скрывалось пламя самого ада. Родерик понимал, что он слышал шум крыльев собственно смерти, и он осознал, что у кровавой смерти, и правда, есть молниеносные крылья. Его сердце также знало, что он не должен сейчас умереть, как бы ему этого не хотелось. Он должен был во что бы то не стало остаться в живых, разыскать и спасти дочь Эмили.

Птица смерти уже кинулась на него. Ее острые когти злоеший молнией сверкали в темноте, глаза пылали кровью, а из стального клюва рвался пронзительный крик. Ряды когтей, похожие на острые мечи, еще раз сверкнули в темноте и вонзились в его левое плечо так глубоко, как только могли. Родерик сам чуть было не закричал от боли.

Он должен был победить, хотя это было невозможно, но ради Эмили он был готов на все. Боль терзала его тело, и алая кровь хлынула из пронзенной плоти.

– Эмили, – стиснув зубы, прошептал он, – помоги мне, Эмили, любовь моя, Боже помоги.

С силой он оторвал от себя пьющего его кровь и терзавшего его исстрадавшуюся плоть крылатого демона и выхватил из ножен сверкающий меч.

Отблески серебристого света его острия упали на черное оперение мрачной птицы, и она, взвившись высоко в небо, стала стремглав спускаться вниз, чтобы нанести рану в спину Родерика.

Еще мгновение, и он был бы мертв, но он, не смотря на злые замыслы птицы, успел увернуться, и сам нанес ей удар настолько сильный, что он пронзил болью и его израненное тело. Теперь Родерик чувствовал свою победу. Шелест крыльев затих, огненные молнии кровавых глаз больше не терзали его своим смертоносным взглядом, что-то взметнулось в темноте, и дикий оглушительный вопль разнесся над кладбищем, но в следующий миг все исчезло. Спокойствие вновь воцарилось здесь, но это была гнетущая тишина, предвещавшая опасность. Где-то за самой его спиной раздался какой-то шум, и Родерик резко обернулся, крепко сжимая меч в своих руках и всегда готовый к бою. Но нигде не было ничего видно. Затем словно из самой тьмы появилась высокая и мрачная фигура в черной одежде.

– А ты до сих пор верен своей мечте, молодой принц, – со злобной насмешкой прошептало черное чудовище, и его кровавые глаза вспыхнули жестоким огнем. Только теперь Родерик увидел, что левое плечо мрачной демона залито горячей кровью. Перед ним стоял его злейший враг, убивший Эмили. Родерик ненавидел его как никого и никогда.

– Ты смелый, раз смог прийти сюда, прямо за ней, за своей печальной любовью, – тем же насмешливым голосом произнес кровавый демон, – но теперь ты оказался в моих владениях. Тебя ждет та же участь, что и твою прекрасную Эмили. Из-за нее мертвы уже двое сердец: ее несчастного любимого и твое. Я не позволю ее дочери сгубить еще многие жизни своим прекрасным лицом самой мечты. Она – моя смерть, но запомни, Родерик, я сильнее, чем Бог, благословивший ее.

– Нет, – прошептал Родерик, – нет, я знаю кто ты, ты тьма, ты зло, но ты не сильнее добра, моя любовь сильнее тьмы, а силы света еще могущественней, как и мой Бог. Ведь, вопреки твоим черным желаниям, в мире есть вера в него, есть мечты, есть любовь, и я верю, что мечта, подаренная Богом, сможет одержать над тобою верх.

– Нет, – рассмеялся огненный демон, – это ты должен сегодня умереть вместе с ней, и ее дочь умрет с вами.

Он посмотрел на лежавшее у каменного креста тело Эмили, и его взгляд загорелся кровью. Родерик же, взглянув на прекрасное лицо Эмили, обрел новые силы.

– Ты никогда не победишь меня, демон, – возразил он.

– Так давай, попробуй спасти свою мечту, – зловещая улыбка отразилась в глазах кровавого демона.

– Я спасу ее, – крикнул Родерик, убегая от этого дьявольского места туда, где он желал найти спасение своей последней надежды, но еще долго за его спиной звучал смех кровавого демона.

– Беги, – прошептал демон- пытайся поймать и спасти свои грезы, но я все равно одержу победу.

Он подошел к трупу Эмили и встал рядом с ним. Ему было дано повелевать миром теней, но не в его силах было убить вечную любовь. Она лежала на холодной земле прекрасная, чистая, светлая, как прежде при своей жизни, и даже красивее, чем тогда. Но он не хотел поддаваться очарованию ее красоты.

– Ты прекрасна, Эмили, – прошептал он, – но ты мертва, как будет мертва и твоя дочь. Я ненавижу любовь, и я презираю мечты людей. Я сильнее судьбы и, убив ее, я докажу тебе, что я сильнее всего, Это моя клятва, и пусть все силы зла придут ко мне на помощь.

Его взгляд снова вспыхнул огнем, и он распростер свои черные руки в знак своей силы.

– Я уничтожу любого, кто встанет у меня на пути, даже свое собственное сердце, – крикнул он, – я убью тебя человеческая мечта, ты мертва, Маерлин.

Этот безумный крик разнесся по всему побережью, и, казалось, от ненависти и злобы, наполнявшей его, содрогнулись сами магические скалы.

А в это время Родерик быстро бежал по побережью к одинокому домику. Он должен был исполнить свою клятву, но до сих пор позади себя он слышал всеяющий ужас и леденящий кровь смех демона. Родерик бежал с обнаженным мечом в своей руке, он готов был отразить любую опасность, он знал, что сейчас все силы зла поднялись против него. Ему помогала искренняя любовь к красавице Эмили. Пусть, она сама умерла, но любовь к ней будет жить в его душе, в его сердце и в нем самом. Он должен был сдержать клятву, данную Эмили, клятву любой ценой победить силы тьмы и спасти ее дочь Маерлин. Родерик готов был сдержать клятву даже ценой жизни в память о своей любви. Одна мысль гнала его вперед по песчаному побережью мимо магических скал, колдовского замка и сил зла, воплотившихся в них. Вопреки всему и наперекор всем силам зла, желающим погубить его, он должен был победить, должен добраться до одинокого домика у моря прежде, чем демон нагрянет туда. Черно-кровавый туман стелился по земле, а перед взглядом усталого Родерика представляли мрачные жертвы дьявола-вампира, после своей смерти ставшие его добровольными последователями. Видя их безумный и ужасный лик, Родерик был рад тому, что подобного не случилось с Эмили. Окровавленный призрак огненной ведьмы встал на его пути у колдовских скал. Ее безумные глаза со злобой смотрели прямо на Родерика. Ее мертвенно-бледное лицо было похоже на белоснежную маску, сияющую во тьме хищным оскалом.

– Приди ко мне, – звала она Родерика, протягивая к нему свои длинные руки.

Ее призыв заставил принца бежать еще быстрее. Он собрал все свои последние силы и пытался не замечать ни кровавых видений, ни колдовского тумана. При этом он не замечал и своей собственной усталости.

Наконец кольцо скал кончилось, а вместе с ним заканчивалась и их колдовская сила.

Совсем немного, и он доберется до цели. Родерик увидел развилку трех дорог, одна из них вела к морю, другая к скалам, а третья к домику Эмили.

Там, где дороги расходились в разные стороны, стоял каменный крест.

Родерик невольно остановился, чтобы разглядеть то, что было написано на нем мелкими, глубоко врезавшимися в камень буквами. На миг Родерику показалось, что на кресте сидит черная птица, жаждущая, как и раньше, его крови. Однако, вместо птицы из мрака, стелющегося по земле, появился огромный черный волк все с теми же светящимися во тьме магическим огнем кровавыми глазами.

Родерик успел увернуться от его прыжка и очутился на другой дороге. Он смело двинулся вперед по таинственной дороге, и его не могло остановить уже ничто. То дорога превращалась в вязкую трясицу, то ветки лесных деревьев цеплялись за него и рвали его одежду, то чьи-то тянулись к нему из самой тьмы леса.

Вот за деревьями уже появился просвет, там, у маленького озера, стоял домик Эмили.

Корень дерева обвился прямо вокруг ног Родерика и, невольно упав, он выронил свой меч. Земля разверзлась, и на фоне огня и тьмы четко вырисовывался силуэт кровавого дьявола. В самый последний миг он успел вскочить с земли прежде, чем она провалилась в глубины ада. Как только он поднял свой меч, все снова стихло.

– Боже мой, – произнес Родерик, крепко сжимая меч в своих руках. Только теперь он понял, что земля вокруг него была пропитана кровью людей, здесь пролились реки крови, но Родерик знал, что дочь Эмили еще жива.

Вдруг какой-то странный мрак вновь окутал все вокруг, и в его туманной пелине на огромном камне у дома появились четкие очертания сидевшей на нем стройной фигуры в красивом темно-красном платье.

Или наваждение, или перед Родериком сидела на камне воскресшая Эмили. Родерик, как околдованный, застыл на месте. Ни жизнь, ни смерть не имели больше никакого значения. Сейчас одно лишь видение светловолосой красавицы существовало для него во всем мире.

Он не двинулся с места, но не мог закрыть изумленные глаза, и лишь его онемевшие губы, едва подчинявшиеся ему, смогли прошептать:

– Эмили.

Она тяжело вздохнула, будто бы из ее пронзенной болью груди готовы были вырваться горькие рыдания, но она не подняла своих глаз, чтобы взглянуть на него, она знала, что он здесь.

– Родерик, – произнесла она и хотя это был ее прекрасный звонкий голос, но теперь казалось он исходил совсем не от нее, и в нем совсем не было прежней жизни.

– Родерик, – вздрогнув, снова повторила она, и ее бледные губы как-то странно шевельнулись в слабом подобии мольбы, но ее прекрасное лицо оставалось лицом мраморной статуи.

Она повела головой, словно во сне. Ее глаза на миг сверкнули ярким ослепительным светом из-под опущенных черных ресниц.

– Там царство тьмы, и человеческая любовь не может нарушить его, – тихо произнесла Эмили. – Как ты мог оставить меня там, как мог уйти оттуда при первом натиске колдовства, от которого поклялся защитить Маерлин, но мечте не нужна ничья помощь.

Возможно, удивленному Родерику только показалось, что в последних словах Эмили проскользнула какая-то злорадная нотка, которую он раньше где-то слышал, но не мог вспомнить где.

– Я не понимаю, – прошептал принц, но легким движением Эмили оборвала его.

– Подойди ко мне, – прошептала она, – забудь обо всем, не покидай меня. Родерик, сам не зная как, но против своей воли и здравого смысла невольно подошел к ней.

– Подойди, – вновь прозвучало в тишине, – не покидай меня.

Белоснежная рука, до сих пор неподвижно лежащая на камне, потянулась к нему. Родерик чуть было не взял протянутую ему руку, чуть было не коснулся ее плеча, желая успокоить ее.

– Эмили, – произнес он, уже протягивая руку к ней.

Едва он коснулся ее плеча, сияющая молния пробежала по ней и острым лезвием ножа ударила в его ладонь, заставив отдернуть руку, по которой заструилась кровь из огромной раны.

Родерик испуганно уставился на Эмили, но это была уже не она, а чудовище, созданное кровавым демоном.

Родерик молниеносным движением поднял с земли упавший меч и кинулся прочь от чудовища. Он вбежал в дом и очутился в совсем другом мире, хранившем память об Эмили. Принц оказался в длинном коридоре со множеством дверей. Родерику показалось, что Эмили зовет его к одной из них. Родерик едва прикоснулся к ручке этой двери, и она тут же медленно открылась, как от порыва колдовского ветра. Родерик в изумлении застыл на пороге огромной темной залы. Первым, что принц увидел в зале, был прекрасный портрет над старым камином. Родерик узнал бы его, где угодно. Как живое из глубины картины смотрело на него прекрасное лицо Эмили. Если бы Родерик не знал, что она умерла, то, наверное, бы подумал, что она сама сейчас стоит перед ним.

Родерик невольно подошел совсем близко к портрету и всмотрелся в ее лицо. Оно скрывало какую-то тайну, которой больше не оставалось у реальной Эмили на кладбище. Эта тайна, как по волшебству, теперь полностью перенеслась на портрет, придавая лицу красавицы полузагадочное, полузловещее выражение.

Тени зла, ушедшего из раскаявшейся души, еще продолжал жить на портрете и кидали свои зловещий отблеск на ее прекрасное лицо. Вдруг губы Эмили медленно растянулись в наполненной зловещей тайной улыбке. Дрожь пробежала трепетной волной по всему телу

Родерика, и, быть может, это был испуг, от мысли, что дьявол вновь может завладеть душой Эмили. Позади него раздался внезапный зов.

– Родерик.

Он быстро обернулся. Вновь перед ним стояла красавица Эмили и загадочно улыбалась. Родерик перевел глаза на портрет, и улыбка, исполненная адского зла, обожгла его взгляд. Вдруг из глубины мрачной залы Родерик услышал тихий плач ребенка, вернувший его к реальной жизни. Видение Эмили, дьявольская улыбка – все исчезло, и остался только этот спасительный крик, зовущий его к себе.

Родерик невольно вздрогнул от плача, теперь, когда дьявольское видение исчезло, он смог вспомнить, кто он, и зачем пришел сюда.

Родерик стремительно зашагал туда, где в темноте огромной залы яркой звездой светилось тело плачущего ребенка. Родерик взял ребенка на руки. Ребенок был красив, как сама мечта.

Вдруг волна ужаса прокатилась по телу Родерика и заставила его обернуться. Прикрытый туманом мрака перед ним стоял вышедший из самой тьмы кровавый демон, и его пламенные глаза светились неистовым торжествующим огнем.

– Отдай мне ее, – приказал он, – отдай мне Маерлин.

– Нет, – твердо ответил Родерик, смело глядя прямо в глаза кровавому демону. – Ни за что на свете, – дерзко повторил он, крепко сжимая ребенка в своих руках.

Смелость и бесстрашие придавала ему его клятва Эмили.

Демон усмехнулся.

– Ты думаешь, что победил меня, – произнес он, – но ты ошибаешься, ты был нужен мне, поэтому ты жив до сих пор. Именно ты привел меня сюда, к Маерлин, ты выпустил меня сюда, ты открыл мне путь к ней. Теперь я могу убить вас обоих, но ты все еще можешь спастись. Я отпущу тебя, лишь отдай мне Маерлин.

Он протянул свои когтистые, покрытые кровью многих людей руки к нему, но Родерик не колебался ни мгновения.

– Отдай мне ее, – повторил демон.

– И забыть свою любовь, – Родерик взглянул прямо в глаза чудовища.

– Я не боюсь тебя, – прошептал он, – во что бы ты ни стало я сдержу свою клятву, и, в конце концов, твоя судьба найдет тебя.

– Твоя любовь тоже была всего лишь мечтой, дразнящей тебя, а в благодарность за муки ты верен ей, – прозвучал во тьме искушающий голос дьявола.

– Отомсти же теперь этой подарившей тебе не любовь, а вечные страдания и горести мечте, помоги мне убить ее, дай нам обоим освобождение.

Он убеждал, но его речь не могла подавить волю Родерика. Принц крепко сжимал в своих руках ребенка Эмили, словно последнюю искру жизни.

– Нет, – твердо ответил он, – я не боюсь тебя, демон. Пусть весь мир содрогается при одном лишь звуке твоего имени, но оно не внушит страха мне, я любил Эмили и люблю до сих пор, так пусть же моя ненависть к тебе поможет судьбе убить тебя.

– Отдай ее мне, – почти выкрикнул дьявол, медленно приближаясь к Родерику.

– Нет, – еще более твердо вымолвил принц.

– Ну, так попробуй спасти ее, – с прежней жестокой насмешкой произнес кровавый демон, – докажи свою бессмертную любовь.

Родерик не стал больше смотреть в затуманенные жаждой крови, нечеловеческие глаза, а крепко сжал ребенка в своих руках и быстро кинулся прочь из таинственного дома, где тьма зла и загадок возобладала над светом.

Он выбежал из залы, даже не взглянув на прекрасный портрет Эмили, чудесное лицо которой в этот миг исказилось зловещей улыбкой.

Родерик быстро сбегал вниз по узким ступеням лестницы, но вдруг на самом ее конце по велению чего-то непонятного он поднял глаза вверх и вновь увидел перед собой ее, Эмили.

– Эмили, – вырвалось у Родерика. Он готов был забыть, что это дух тьмы, призрак кровавого демона. Единственное, что он хотел сейчас, это остаться с ней с Эмили навсегда.

– Отдай мне ее, – голосом, похожим на заунывный стон, прошептала Эмили, протягивая к нему свои руки, – отдай мне мою дочь.

Всего несколько ступеней разделяли его с ней, и в это мгновение Родерик успел заметить, что руки Эмили покрыты струями крови.

– Нет, – произнес Родерик.

В прекрасных глазах Эмили блеснул силуэт кровавого демона, но Родерик успел пробежать мимо нее и выскочил из дома.

Родерик прислонился к стене и крепко прижал к себе маленького ребенка. Уже сейчас он любил ее так сильно, как никого на свете, прекрасную мечту с лицом и душой Эмили.

– Родерик, – вдруг раздалось недалеко от него. Вновь перед ним появился силуэт красавицы Эмили.

– Приди ко мне.

Затем прозвучал другой, исполненный ненависти голос:

– Ты навеки принадлежишь ей, и она погубит тебя, ведь теперь ее красота рождена тьмой.

– Нет, – только и смог прошептать в ответ Родерик, хотя прекрасный образ Эмили уже застилал пеленой беспробудного тумана все его мысли. Он уже не владел собой, все его чувства, все его действия, молитвы, все его мечты уже были подчинены тьме в этом прекрасном образе. Он готов был кинуться к ней, забыв обо всем, отдаться в объятия самой смерти, лишь бы только у кровавой гибели было ее лицо.

– Эмили, – прошептал он.

Он уже был готов целиком и полностью отдаться силам зла, но вдруг позади него раздалось:

– Родерик.

Звук этого голоса неожиданно вернул его из мира мрачных грез к обычной человеческой жизни.

Принц невольно быстро обернулся.

Перед ним стояла прекрасная девушка, такая же красивая, как призраки колдовских скал, но, в отличие от них, добрая, отзывчивая и открытая.

– Клара, – произнес Родерик, скрывая усталость.

Он глядел на милое лицо, похожее на лицо Эмили, но так неумолимо отличавшееся от него. Одна была воплощением чистоты, вторая обольстительной колдуньей, сиреной, навек укравшей его душу. Черноволосая Клара была самым добром, Эмили вечной тьмой. Одна была невинностью, другая злом, Одна была красавицей с золотом светлых волос, символом чистого дня, хотя ее душа была покрыта вечным мраком тайны. В черных волосах другой горело пламя самой ночи, но в ее сердце не было и капли загадочного зла, переполнявшего целиком проданную тьме душу Эмили. Тем не менее они всегда были настоящими сестрами, хотя душа одной из них была открыта и чиста, а другая скрыта вечным мраком тьмы.

Родерик, в муках отчаянья и нежелания поверить в то, что Эмили уже нет в живых, на миг закрыл глаза, и лишь мягкий голос Клары вновь разбудил его, заставляя очнуться от грез.

– Я не знаю, зачем я пришла сюда, – тихо произнесла Клара, – но я чувствую, что Эмили нужна помощь.

– Это так, – прошептал Родерик.

Он знал, что это его единственная надежда спасти Маерлин, пока видение Эмили не заставило его отдать тьме свою душу, а ведь он уже был близок к этому. Кровавый демон

знал, что может причинить ему боль, и он собирался нанести свой последний сокрушительный удар, перед которым Родерику было уже не устоять.

Он подошел к Кларе, и теперь они стояли вместе на фоне старого дома, гробницы призраков.

– Забери ребенка Эмили, – произнес Родерик, – увези ее отсюда, как можно дальше. Здесь царят зло и смерть, которая подстережет вас, если вы появитесь тут хоть раз. Ты ведь справишься, ты спасешь ее?

Он с надеждой посмотрел в чистые и открытые глаза Клары.

– Да, – ответила она, – я увезу ее, как можно дальше от проклятых колдовских скал. Так хотела Эмили, и, значит, я должна сделать это, должна дать ей имя самой мечты.

Она с болью в глазах посмотрела на Родерика.

– Я знаю, что Эмили умерла, – произнесла Клара, – ведь вместе с ней погибло не только твое сердце, но и часть моей души. Я знаю, что ты любил Эмили и никогда не любил меня, но я не обвиняю тебя в этом. Я сама любила ее, несмотря на то, что она разбила мою собственную жизнь. Такую красавицу, как она, было невозможно не любить.

– Ты так похожа на нее, – произнес Родерик, уже который раз вглядываясь в прекрасное, покрытое тенью печали лицо, – но ты это не она.

– Я знаю, – все с той же печалью прошептала Клара, – я знаю все.

– Ты спасешь дочь Эмили? Обещай мне.

– Я обещаю, – медленно произнесла она, – я буду любить ее так сильно, как только могу. Я назову ее Маерлин, мечтой.

– Но будет ли счастье в твоей жизни? – Родерик последний раз взглянул на Клару, какая-то отдаленная боль сверкнула и в его глазах.

– Уходи, – попросил он, – чем скорее, тем лучше, и не важно куда, главное, чтобы ты скорее ушла отсюда.

Он медленно протянул ей ребенка, и она взяла его.

– Уходи, – повторил Родерик и снова крикнул, – уходи, уходи, Клара, спаси Маерлин. Лишь мысли о том, что ты увезешь ее отсюда, позволят мне обрести покой. Я должен умереть Клара, я не могу жить без Эмили, а у тебя впереди еще целая жизнь, как и жизнь той, что подарит тебе свет в этом тумане времени, а теперь уходи.

Клара знала, что ей сейчас нужно уйти, раз и навсегда. Она любила, но ее любовь была безответной. Прекрасная Эмили навеки своей красотой убила ее счастье, но она любила ее и ее ребенка всем своим сердцем. Она должна была спасти Маерлин, должна была увести ее отсюда. Однако в глубине своего сердца, не желая признаться даже самой себе, она знала, что память о прошлом навеки останется в ее душе.

Теперь Родерик остался один, он крепко сжал рукоять своего меча, но могла ли на этот раз обычная человеческая сталь победить беспощадную силу колдовства.

Родерик насторожился, в темном небе снова с диким, разрывающим душу криком пролетела черная птица. Вдруг за самой спиной Родерика раздался шорох, заставивший его мгновенно обернуться. Перед ним снова невдалеке стояла Эмили.

Жизнь и смерть все теперь потеряло для него значение, и остался только он, манящий и прекрасный, образ Эмили.

– Родерик, – прошептала она, – пусть смерть навеки соединит нас, пусть она не откажет нам в том, в чем отказала жизнь. Это удивительный мир, любовь моя, мир крови, мир смерти, но он может подарить тебе драгоценное мгновение отобранного счастья.

Рукоять меча невольно выскользнула из руки Родерика, когда он подошел к Эмили. Он был уже не в силах противиться, лишь созданное демоном ночи видение теперь всецело повелевало им, всеми его мыслями, чувствами, мечтами.

– Теперь ты мой, – раздался торжествующий голос демона.

Принц не слышал его.

– Да, – произнес Родерик, – да. Эмили. Вопреки всему, я навеки люблю одну тебя. Пусть я не выдал это ни единым словом, но теперь я взываю к твоей бессмертной душе, услышь меня, Эмили. Господь простил тебя, так пусть же он пошлет это прощение и мне. Я всегда буду молить его об этом, как сейчас молю тебя услышать просьбу моего сердца.

На миг в глазах Эмили засветилось что-то откровенное, чистое и невинное. Ее лицо очистилось от зла. Может быть, это, и правда, была сама душа Эмили на мгновение, вытеснившая из своего образа дух кошмарного демона.

– Эмили, – прошептал Родерик.

Этот самый образ Родерик любил всю свою жизнь, с ним он готов был умереть, таким прекрасным, тайно, и беззаветно любимым им. Эмили на чудесный и ослепительный миг счастья вернулась к жизни из смерти, и в ее глазах теперь светилось раскаяние, в них стояли почти слезы горькой радости, с которой она смотрела на Родерика.

– Будь со мной навеки, – прошептала она.

Вдруг зловещий крик адской птицы разнесся над пустынным пространством.

Сожаление и сочувствие мелькнули на прекрасном лице Эмили прежде, чем она снова исчезла в темноте, так же неожиданно, как и появилась, но царство смерти ни на миг не могло обойтись без зла, и Родерик знал это.

Не успел он даже опомниться, как во мраке ночи опять появился кровавый демон.

– Ты искал свою смерть, – прошипел он, – и ты получишь ее.

Родерик едва успел схватить свой меч, прежде чем лучи какого-то странного сияния чуть не вонзились в него острием своей молнии. На его плече осталась рана.

Он знал, что в этом поединке ему не выжить, но он не хотел сдаваться.

– Я убью тебя, демон, – прошептал он, – и теперь уже ничто не сможет остановить меня.

Родерик молниеносным ударом вонзил свой меч в сердце демона по самую рукоять, и из него хлынули потоки крови, но дьявол, по-прежнему, был жив. Он вытащил из самого сердца своей когтистой лапой меч принца и тут же вонзил в плечо Родерика.

– Достаточно, – произнес демон, – с меня и с тебя хватит игр смерти и человеческих побед. Ты должен умереть, как умерла Эмили и как умрет ее дочь.

Вероятно, сила любви на миг вернула принцу призрачный образ Эмили.

– Уходи, уходи отсюда скорее, – прошептала она, и на ее лице отразилась та же сильная боль, те же страдания, те же муки, что и в сердце Родерика.

– Я не могу, – ответил он, – теперь я навсегда останусь с тобой, и не важно, что вместе с этим я оставлю свою душу кровавой смерти.

Он вновь посмотрел на Эмили, и она подарила ему последний поцелуй самой смерти.

Огонь вспыхнул вокруг их фигур, и в его пламени они оба исчезли.

Клара с печалью и рвущей сердце тоской издалека смотрела на адский огонь, где сейчас сгорало и ее собственное сердце. Она была похожа на мечту, но она не была мечтой, она любила, и она хотела любить, но никогда не была любимой. Прекрасная Эмили навек отняла ее счастье, ее мечты, ее любовь.

Она любила Родерика, и в то же время любила Эмили, которая отнимала у нее ее любовь. Даже сейчас она любила ее дочь, как свою собственную плоть и кровь, и она знала, что она сможет спасти ее и защитить от всего зла и всех сил тьмы.

Да, она увезет ее отсюда, позабыв обо всем, и она сможет спасти прекрасную Маерлин, она поможет ей стать воплощением мечты, и эта единственная возможная любовь в ее жизни, полной пережитых ею предательств и обманов, станет искуплением за все муки преследующие ее, и, быть может, подарит настоящее счастье.

– Мы уедем отсюда, Маерлин, – прошептала Клара, – силы зла никогда не смогут отыскать тебя, мы навеки победим их.

Клара невольно вздрогнула, пытаясь сдержать рыдания, и посмотрела на огонь.

Да, ее любовь сгорела в пламени этого огня, и счастья уже было не вернуть.

Чувство огромной потери с тех пор никогда уже не покидало Клару.

На пламя того же огня смотрели и горящие неистовой злобой глаза кровавого демона.

Он шептал:

– Я разыщу тебя, Маерлин, твое сердце приведет тебя ко мне, твоя душа навеки принадлежит смерти, и мечтания твоего сердца отдадут тебя ей.

Время неумолимо утекало, забирая с собой в вечное бессмертие все новые мгновения, дни, месяцы, годы. Огонь безумных глаз кровавого демона смешался с легендой прошлого. Оно было готово проявить себя в любую минуту, но все равно неумолимо угасало в памяти. Не только время разрушало память о былом, сама человеческая жизнь хотела уничтожить воспоминания о зле.

Над полыхающим огнем прекрасного камина в конце огромной залы висел очаровательный, наполненный бесконечной магией красоты портрет, и свет слабеющего дня, едва пробивавшийся в залу, наполнял его необъяснимой таинственностью.

Два человека стояли в комнате и безмолвно смотрели на чудесное лицо, изображенное на загадочном портрете, не решаясь выполнить приказ и уничтожить его.

– Это портрет? – произнес один из слуг, обращаясь к красивой светловолосой девушке, одиноко стоявшей посреди пустынной залы, но не желавшей подойти ближе к прекрасному портрету, а лишь издали смотрящей на него.

Она была очень похожа на красавицу с портрета. Только весь ее облик излучал добро, а в зловещей глубине прекрасных глаз на портрете читалась жестокость.

– Сожгите, – приказала она, но каждое слово давалось ей с невероятным трудом, – сожгите его.

Без капли сожаления безжалостные слуги сорвали со стены портрет красивой молодой девушки и кинули его в огонь. Картина вспыхнула ярким пламенем и оно, дотронувшись до нее, на миг осветило своим светом прекрасное лицо колдуньи.

По лицу юной красавицы прокатилась слеза, но тут же на ее плечо в жесте нежного сочувствия и поддержки легла белоснежная рука, и красавица с той же любовью прикоснулась к ней.

– Что мне делать, Клара? – едва слышно прошептала она.

– Забудь все, – ответил ей тихий голос Клары.

– Забудь все, Маерлин, – повторила она, – теперь это уже не имеет значения.

Портрет прекрасной Эмили уже горел в огне, с ним вместе сгорала и частичка зла, воплощенного в портрете.

– Мне бы хотелось быть такой же красивой, как она, – произнесла Маерлин.

Она еще не знала, что судьба готовит ей участь быть во много раз красивее собственной мечты.

Волны бились о берег у диких скал. Это было другое море и другие скалы, Клара увезла Маерлин далеко от колдовского замка и царства зла.

Клара стояла на высоком обрыве скалы у крутого, пустынного берега.

Ни время, ни слезы не могли изменить ее красивого лица, ни одной морщинки не было видно на ее все еще молодом лице. В ее черных волосах не было и прядки седины.

Она с печалью смотрела вниз, на море, такое прекрасное, далекое и смертельно опасное здесь, на вершине скалы.

Холодный ветер дул с моря, подгоняя ледяные волны прилива. Руки Клары невольно прижались к телу в попытках согреться.

– Твои мечты умерли, Клара, – прошептал за ее спиной исполненный зла голос, – воспоминание о них оживило меня в твоей памяти, твои воспоминания привели меня сюда.

Она едва вздрогнула, услышав его голос, но даже не обернулась, ведь она и так знала кто стоит перед ней.

– Зачем ты вернулся, – сдерживая гнев, произнесла она, – зачем ты пришел сюда, это место не принадлежит тебе, в этих скалах нет магии твоего колдовства.

– Силы тьмы присутствуют везде, их надо только разбудить человеческим злом, горем или болью. Они станут еще могущественнее, и весь мир будет принадлежать мне, когда в нем не останется чистой, светлой и прекрасной мечты.

– Этого никогда не будет, – поспешно перебила его она, – мечта о добре бессмертна в сердцах людей, и она победит тебя.

– О нет, – короткий смешок вырвался из груди кровавого демона, – спастись надо ей, а не мне. Ведь даже в добре я смогу найти зло, в красоте уродство, в мечте неутешное горе. В этом моя сила, я умею найти все худшее в прекрасной душе людей, могу превратить их достоинства в проклятие. Так случилось с Родериком, так случится и с дочерью принцессы.

– Я не позволю, – произнесла Клара, – не позволю тебе убить ее.

– Она всего лишь человек.

– Но зачем тогда ты ждал столько лет, почему сейчас тебе нужна ее жизнь?

– Просто я знаю, что если пройдет еще какое-то время, то в ней появится то же самое колдовское очарование принцессы, она отняла у тебя жизнь, так зачем же тебе спасти ее дочь.

– Потому, что она стала моей дочерью, и тебе не обмануть меня, демон.

– А мне это и не нужно, просто я даю тебе выбор, Клара, отдай мне Маерлин, и тогда я сохраню твою жизнь.

– Нет, – твердо ответила Клара, ее решение было непоколебимо.

Клара медленно обернулась и взглянула прямо в огненные глаза кровавого демона, желавшего теперь уничтожить ее. Она верила, что Маерлин останется в живых, ее не смогут победить никакие силы зла. Клара понимала это, ведь она любила ее, но теперь она смотрела в глаза собственной кровавой смерти.

Когтистая окровавленная рука легла на ее плечо, и боль пронзила все тело Клары. Вдруг что-то неожиданное заставило демона выпустить свою жертву из объятий смерти, и окровавленный труп Клары безжизненно рухнул вниз, туда, где шумело море, и его волны навеки сохранили в себе красоту ее милого лица. Взгляд кровавого демона мгновенно устремился туда, где недалеко, на высокой скале, стоял маленький одинокий дом, наполненный теплом и уютом.

– Клара, – донесся оттуда негромкий крик чьего-то звонкого и красивого голоса, едва заглушавшего неистовые порывы ветра. Из дома вышла прекрасная молодая девушка, и огненные глаза дьявола расширились в безумной злобе, когда он увидел ее.

– Клара, – вновь, собрав все свои силы, крикнула она.

Она быстро побежала вперед, хотя порывы ветра преграждали ей путь к морю и к краю скалы, где раньше стояла Клара.

– Клара, – тихо прошептала она с нарастающим испугом, оглядываясь вокруг, но нигде не было видно ни единой живой души.

– Маерлин, Маерлин, – гулким эхом загадочного шепота разнеслось в таинственной тишине.

– Клара, – невольно повторила Маерлин, но она знала, что голос не принадлежал Коаре.

– Маерлин, прекрасная мечта, – вновь прозвучало в тишине, заставив ее вздрогнуть всем телом.

– Кто здесь? – с опаской оглядываясь вокруг, тихо прошептала она и снова в жутком порыве страха изо всех сил крикнула:

– Клара.

Ее отчаянный крик остался безответным. Длинная когтистая рука сзади потянулась к Маерлин, почти касаясь ее плеча, но как только та вздрогнула от плохого предчувствия, странная рука снова исчезла в тумане.

– Клара, – последний раз прошептала Маерлин, но тут какой-то звук внезапно заставил ее резко обернуться, но вокруг никого не было. Тяжело вздохнув, Маерлин невольно попятилась назад. Вдруг ледяные руки сзади схватили ее.

Маерлин вскрикнула и рванулась прочь изо всех сил. В самое последние мгновение, когда она готова была уже бежать назад домой, что-то заставило ее обернуться. У края скалы взметнулась в приступе боли, а, быть может, нечеловеческой злобы какая-то огромная фигура.

Кровавые глаза смотрели прямо на нее откуда-то из самой темноты, и ей показалось, что стоит им только захотеть, и они в любой миг смогут убить ее.

– Ты прекрасна, – тихо прошептало чудовище, почти касаясь своей когтистой лапой ее лица.

В диком испуге Маерлин отпрянула, и маленький золотой крестик в ее руке, всегда хранимый ею как последняя искра добра в память о ее матери, выскользнув из ее пальцев, со звоном упал на холодную землю.

Глаза чудовища вспыхнули огнем, теперь он жаждал гибели Маерлин.

Маерлин сделала резкое движение, желая скорее убежать отсюда, но невольно упала на холодную землю рядом со своим золотым распятием. Ее рука в последней надежде на спасение потянулась к этому кресту.

Она не поняла, что последний миг спасло ее. Будто бы какое-то светлое и чистое сияние помогло ей дотянуться до креста, какая-то волшебная магия света на мгновение ослепила кровавого демона. Маерлин быстро схватила крест в свою руку.

Крест в ее руке тут же засиял ослепительным светом, отразившимся в глазах кровавого демона. Демон закричал от боли и исчез.

Тут белоснежная рука медленно склонившейся над ней фигуры осторожно прикоснулась к ее плечу, и столько нежности было в этом легком прикосновении, что заставило Маерлин отчетливо прошептать одно лишь единственное и такое милое, но никогда не ведомое ей слово:

– Мама.

Она крепко сжала в своей руке золотое распятие и едва приоткрыла глаза.

Перед ней было прекрасное лицо, так похожее на лицо Клары и так сильно отличавшиеся от нее своей поистине волшебной красотой.

– Мама, – как во сне прошептала она.

Красавица провела своей белоснежной сверкающей волшебством рукой по щеке Маерлин, и от ее руки магическое сияние света разнеслось вокруг и наполнило уже навсегда чем-то волшебным душу Маерлин. Эмили исчезла в лучах нереального магического сияния. Это сияние навсегда запечатлелось в сердце Маерлин, как и сказочная красота Эмили..

Ее спасло только чудо, и она не знала, кто вызвал его. В тумане моря перед ней на миг мелькнуло другое неописуемо красивое лицо молодого человека, и она поняла, что ее спас он.

Маерлин крепко сжала в своей руке маленький золотой крестик и направилась к дому.

Рана тайны

Дневник Маерлин

Эмили, прекрасная Эмили. Это имя навсегда запечатлелось у меня в сердце.

Сколько лет прошло с тех пор, когда она как видение предстала передо мной, но я знала, что теперь мне уже никогда не забыть ее лицо, полное сказочной красоты и непонятого мне, но чудесного волшебства.

Милый образ навеки остался у меня в душе, и он теперь живет во мне, внутри меня, в самой глубине моего сознания и жжет мою душу все тем же огнем, в котором горел портрет моей матери.

Вместе с ее красотой в моей памяти осталось навеки своим ужасным кровавым шрамом, чуть не убившим сердце совсем юной девочки, лицо дьявола в черных, как ночной мрак, одеждах и сверкающими страшной злобой кровавыми глазами.

Он был самым ужасом, но какая жуткая тайна, быть может, запечатлелась в его огненных глазах. Все же мне бы хотелось думать, что и у него существует сердце, и за пламенем его глаз скрываются боль и печаль одинокой души.

Я не знаю, как я увидела это в затуманенных злобой и жестокостью огненных глазах, мне и самой это было не понятно до конца, но, быть может, догадка об тайне пришла ко мне потому, что при виде меня единственный просвет неприсущей ему небывалой и неестественной доброты на миг сверкнул в огненном блеске его кровавых глаз. Скорее всего, я поняла это потому, что от того же самого удара жестокой судьбы разбилось и мое собственное сердце. Нет, я никогда не знала любви, и в то же время любила безнадежно и страстно прекрасное лицо, обладательницей которого мечтала быть и я, лицо сказочного призрака с морских скал, лицо Эмили, моей матери.

Самок горячее желание всей моей жизни зажглось во мне с тех пор, как я увидела прекрасный портрет неповторимой Эмили. Я хотела быть похожей на нее. Знала ли я тогда, что непредсказуемая судьба готовит мне особенную участь, а вместе с ней и красоту, превосходящую красоту моей мечты, и не знаю, к счастью или нет.

Если бы я могла снова стать той чудесной маленькой девочкой, очаровательной и не знающей тягостных воспоминаний. Тогда я была беспечной, доброй и веселой, но даже тогда в моей душе уже зарождались непонятная тревога и какая-то необычная в этом возрасте болезненная задумчивость. Я искала ответ на страстный призыв своей души, на неистовые чувства в своем сердце, но не могла найти его, тогда оставалось лишь одно – мой всепоглощающий зов к приключениям. Тем не менее, я жила спокойной и размеренной жизнью в нашем маленьком домике у моря. Внешне я казалась беззаботной, а в моей душе даже тогда не было и тени спокойствия, будто бы я заранее ощущала все, что должно было случиться со мной, чтобы потом ничуть не бояться этого.

Я помню все свои чувства и всегда заново переживаю их, я помню Клару. Ее доброту, а также странное и необъяснимое сходство с моей матерью, хотя и не такое яркое и сильное, как у меня.

Клара всегда очень любила меня. Я тоже любила ее так сильно, как только могла. Эмили забрала все мои мечты, восторг и восхищение, а Кларе я отдала всю ту нежную любовь, что была в моей душе, и она же сохранилась в воспоминании о ней.

Клара всегда любила гулять у скал на побережье. Она гуляла в любую погоду. Накрывала ли побережье густая пелена тумана, была ли ясная погода, и море было спокойно и тихо, или же бушевала буря, Клара стояла на скалах и задумчиво смотрела на море. Кто знает, что она видела там, и чем в эти мгновения были заняты ее мысли.

Мне никогда этого не понять, как и мук своего собственного сердца. В тот день я услышала странные голоса и выбежала из дома, чтобы найти Клару. Я увидела и кровавого демона, и прекрасный призрак моей матери, и окровавленное тело Клары у прибрежных скал. Тогда же я поняла силу завещанного мне много лет назад моей матерью креста, и он теперь всегда будет священным символом добра и моего внезапного спасения от таинственных и непонятных мне темных скал.

После смерти Клары я жила совсем одна в своем небольшом домике на прибрежной скале рядом с морем и вдали от людей.

Я никому не могла доверить свои мысли, уж слишком прекрасными они были, и, к тому же, я ненавидела обычаи людей находить непристойное даже в самой красоте. Тем не менее, у меня было несколько друзей, таких же отшельников, как и я, хотя им изредка приходилось общаться с другими людьми.

Я не знала еще одного, почему Клара хотела, чтобы мы жили в таком отдалении ото всех, но я никогда не сожалела об этом.

Мне нравилось наше прекрасное место с его нетронутой природой и чистой, девственной, неоскверненной обычной человеческой жизнью красотой, я любила магическое кольцо спящих скал, любила туманный, охваченный непонятной печалью и тоской берег, любила чудесные волны, все время убегавшие в бесконечную даль и пенистым приливом, бьющиеся о берег, как и очаровательную гладь спокойного моря.

Я могла полюбить все времена года, ведь только здесь, в родном для меня месте, они всегда приобретали необычайную красоту, или это цвет родины так красил их. Я любила и жаркое чудесное лето со всеми цветами радуги в своей яркой и родной красоте и вечно омолаживающую землю свежую прелесть весны. Я любила их с той же равной силой, как и пеструю, роскошную, чудную осень, как и сказочную, но такую холодную зиму, когда сквозь затуманенное стекло своего окна я могла смотреть на быстрый вихрь прекрасных снежинок, полных бесконечного очарования и так похожих на вечно чудную и холодную легенду.

За моим домом вместе со скалами кончалось и море, и начинался дремучий лес. Глядя на него, я всегда невольно вспоминала горящий в огне портрет моей матери.

Я так и не поняла, почему Клара заставила меня сжечь ее портрет, почему она сама не могла отдать приказ уничтожить его. С тех пор меня начала преследовала одна мелодия, прекрасная и таинственная, исполненная непонятной печали, навеки связанная для меня с Эмили. В звуках музыки я находила отражение ее лица и спасающее успокоение. Я никогда не училась играть на рояле. Однако, когда эта мелодия звучала в моем сердце, а она жила в нем всегда, как и чудесный образ Эмили, то я, несмотря на все разумные законы этого мира, могла играть ее, не задумываясь ни о чем. Под моими пальцами звуки рождались, будто из ниоткуда. В них появлялось нечто таинственное, навеянное каким-то воспоминанием. Все мои мысли, чувства и мечты воплощались в ее прекрасных звуках. В них не было ни клеветы, ни мук ревности, ни тяжести страданий этого мира, только одно волшебство. Оно жило во мне всегда, и когда я летом гуляла по лесу и шла через светлые поля, золотистых, солнечных одуванчиков, и когда холодной зимой наблюдала за трепетным туманом белоснежной метели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.